

— Ваше Высочество, я тоже думал, что этот меч наверняка лишит меня жизни, но оказалось, что рана неглубокая, а к тому же что-то в одежде Вашего Высочества смягчило удар. После месяца лечения я уже в порядке.

— Что это было? — поспешно спросил Цинь Юй.

— Вот это. — Ло Пин снял с пояса половинку разбитого тонкого нефрита.

Он, чудом оставшись в живых, после того как его спасли, посчитал этот предмет амулетом мира и спокойствия и, привязав к поясу, забыл вернуть князю Цзинь, что вызвало у него некоторое смущение.

«...Выдержит удар силой в сто цзиней».

«Здесь зашито сердце Сюэ Тана, оно защитит Ваше Высочество».

Ты всё-таки поверил моим словам! Глупец, разве бывает нефрит, способный выдержать удар в сто цзиней?

В столице разгорелся скандал с воровством, среди народа поднялся шум, и столичный чиновник приказал обыскать каждый дом. Однако в восточной части города, где жили знатные семьи, обычные служащие не могли войти, и только Хэ Чжао с отрядом офицеров дворцовой стражи мог провести обыск.

В резиденции князя Чжао ворота были широко распахнуты, и Хэ Чжао с охраной вошли, словно в пустое место. Слуга у ворот даже не успел выкрикнуть упрёк, как его отбросил генерал Хэ.

— Ваше Высочество князь Чжао, я по приказу обыскать резиденцию, прошу Вашего понимания.

— Кто...

Князь Чжао не успел договорить, как Хэ Чжао, даже не взглянув на него, просто махнул рукой:

— Обыскать.

Через четверть часа два солдата вывели из заднего сада князя Чжао бледную Гуань Фэйянь. Хэ Чжао взглянул на неё и, поклонившись князю Чжао, сказал:

— Я откланиваюсь.

— Генерал приходит и уходит, как ему вздумается, зачем же докладывать мне? — сквозь зубы проговорил князь Чжао.

Хэ Чжао оставался невозмутимым и, взяв Гуань Фэйянь, сразу же ушёл.

— Ваше Высочество...

Хлоп! Управляющий получил пощёчину и крутанулся на месте. Князь Чжао, с подрагивающим уголком глаза, сказал:

— Я же приказал тебе ввести войска в город.

— Ваше Высочество, — управляющий прикрыл лицо рукой, — из резиденции князя Цзинь

поступил приказ закрыть все ворота, а северный и южный гарнизоны сменили караул. Я просто не смог выйти.

— Хэ Чжао был в резиденции князя Цзинь? — Неужели император Сюань и князь Цзинь объединились против меня?

— Нет, офицеры гвардии, похоже, направились прямо в резиденцию князя Чжао.

Князь Чжао сжал кулаки, его лицо потемнело ещё сильнее.

— Это уже слишком!

— Хэ Чжао осмелился прийти сюда, но ни за что не пойдёт в резиденцию князя Цзинь. Нынешний князь Цзинь даже Ваше Величество вынужден уважать.

Раздался спокойный и уверенный голос, и князь Чжао тут же успокоился.

— Господин Бэй.

— Ваше Высочество. — Бэй Чжэнцин почтительно поклонился.

Князь Чжао расслабился и с улыбкой спросил:

— Вы так быстро вернулись?

— Услышав о деле господина Кун, я поспешил вернуться, но, к сожалению, опоздал.

— Что вы имеете в виду?

— Ваше Высочество, должность столичного коменданта номинальна, а Кун Гопэй уже не тот, что раньше. Ваше решение сразу разозлило императора и князя Цзинь, это неразумно, — спокойно сказал Бэй Чжэнцин.

Князь Чжао нахмурился, взглянул на него и тихо сказал:

— Пойдёмте со мной.

В кабинете князь Чжао, глядя на сидящего рядом Бэй Чжэнцяна, сказал:

— Пожалуйста, выскажите свои мысли.

— Клан Кун — это не только старые чиновники Цинь Чжэна, но и наследие покойного императора. Наследие — не люди, а столичная знать. Партия Кун теряет влияние, и сейчас самое время завоевать сердца столичной знати.

— Значит, князь Цзинь борется за сердца столичной знати, а император опасается, что царство Чжао завоюет их доверие, — понял князь Чжао.

— Именно так. — Бэй Чжэнцин кивнул.

— В таком случае не следовало позволять увести Гуань Фэйянь. Как теперь спасти Кун Гопэя?

— Ваше Высочество, зачем нам спасать бесполезного цензора, если мы хотим завоевать сердца знати?

Князь Чжао молча смотрел на него, а Бэй Чжэнцин слегка наклонился и объяснил:

— Ваше Высочество, Кун Гопэй может умереть, но нужно сохранить клан Кун, чтобы старые чиновники увидели Ваше великодушие.

Столичная знать не обязательно должна быть представлена Кун Гопэем. Любой может занять его место. Сохранив клан Кун, столичная знать поймёт, что именно Ваше Высочество действительно способен их принять.

Князь Чжао кивнул и спросил:

— А если император не накажет клан Кун, а только самого Кун Гопэя?

— Император не сделает этого. — Бэй Чжэнцин лёгким движением бумажного веера улынулся. — Если бы император действительно был великодушен, зачем бы он так упорно преследовал старых чиновников Цинь Чжэна? В глубине души он всё ещё опасается.

Покойный император благоволил Цинь Чжэну и подавлял императора Сюаня, поэтому, даже взойдя на престол, он остаётся беспокойным и продолжает опасаться старых чиновников покойного императора. Если бы он мог отпустить их, он бы уже сделал это, зачем ждать, пока партия Кун наберёт силу.

Ха-ха... Князь Чжао рассмеялся, вспомнив те времена за дворцовыми стенами. Действительно, в сердце императора Сюаня всегда был камень преткновения — любовь покойного императора к Цинь Чжэну.

— Более того. — Выражение лица Бэй Чжэнцяна стало серьёзным, и он строго посмотрел на князя Чжао. — Ван Цяньхэ всегда выступал за сокращение власти удельных князей, но удельные князья и знать едины. Сокращение власти князей неизбежно приведёт к сокращению влияния знати. Однако двор выбрал не того, кто мог бы это сделать, а князя Цзинь.

Император Сюань и канцлер, хотя и талантливые правители, но слабы в интригах. По части политических игр Ван Цяньхэ не дотягивает даже до десятой части князя Цзиня. Атаковать чужие сильные стороны своими слабостями — как можно не проиграть? Неудивительно, что за последний год князь Цзинь всё больше усиливается, а двор становится всё слабее.

— Похоже, в той битве император, хоть и держал девять треножников, но настоящим победителем стал князь Цзинь, — с чувством сказал князь Чжао.

— Именно так. Прославившись в юности, он удалился на северную границу, скрывая свои амбиции, и теперь достиг такого положения. Ваше Высочество... — Бэй Чжэнцин внезапно поднял брови, его взгляд стал пронзительным. — Князь Цзинь — ваш настоящий соперник в борьбе за Поднебесную.

Поднебесная! В глазах князя Чжао вспыхнул огонь, в сердце загорелось возбуждение, и он с гордостью сказал:

— С вами рядом, господин Бэй, чего мне бояться!

Резиденция князя Цзинь

Цинь Юй шёл по знакомой тропинке, шаги его были лёгкими и осторожными. Во дворе платаны стояли пышные, лунный свет падал сквозь листву, создавая причудливые тени.

Он поднял голову и, очнувшись, понял, что долго был в задумчивости. Тихо открыв дверь, Цинь Юй обошёл маленькую гостиную и спальню. Комнаты казались крошечными, но почему-то ощущались пустыми.

В углу кушетки спряталась деревянная шкатулка. Цинь Юй открыл её, и в лунном свете внутри обнаружилось множество вещей. Оказывается, все безделушки, которые я тебе дарил, ты хранил здесь.

Белый флакон из нефрита «баранье сало» лежал там. Лекарство внутри уже закончилось, осталась только пустая ёмкость, аккуратно поставленная в центре. Цинь Юй взял флакон в руку, вспомнив, как маленький князь сжимал его, радостно улыбаясь.

По одному на каждого, парами. Это было твоё желание, оказывается, ты так любил меня!

Вот почему кочевники задержались на несколько дней, прежде чем захватить Сюаньчэн. Вот почему ты сам отправился на гору Тяньлун. Вот почему ты... везде старался защитить мою жизнь.

Ты верил всем моим словам, включая глупую ложь, лицемерие и даже жестокие слова, которые я говорил позже. Ты поверил и не решился рискнуть, не стал искать милости у холодного человека.

Если бы я раньше понял своё сердце, если бы в ту ночь на Праздник середины осени я не колебался, ты бы не смотрел на эти вещи с пустотой в сердце, не накапливал бы страх передо мной.

Ты не был бесстрашным, ты боялся, поэтому не осмелился сказать правду. Ты боялся моей мести, моих методов, но в итоге всё равно не смог избежать этого. Слова ранят, и я вырезал их на твоём сердце.

Спасибо, что, потеряв всё терпение, ты всё же выбрал не причинять мне вреда. Ты был чище, чем я любил.

Цикады стрекотали на деревьях, и Цинь Юй вспомнил неуклюжий и наивный характер Сюэ Тана. Он постоянно преодолевал себя, осторожно испытывая князя Цзинь. Для Ду Сюэтана это уже было огромной смелостью, а я...

Цинь Юй наконец понял, что между нами стояла не нелюбовь, не ложь, а расстояние. Из-за искажённой любви правда раскрылась с такой ненавистью. Мы ошиблись, ошиблись, ожидая того, что нам не принадлежало!

Мне не следовало влюбляться в тебя, а тебе — в князя Цзиня. Он, как ты говорил... бессердечен!

Цинь Юй сжал в руке нефритовый флакон, слегка погладил его, а затем с силой швырнул на пол. Так и быть, я — князь Цзинь, и мне не следует испытывать чувства к тебе. А раз ты ушёл, береги себя!

На перекрёстке Сяо Фу-цзы ждал в стороне. Цинь Юй подошёл к нему и тихо спросил:

— Кто убирал в этой комнате? Сюэ Тан умер от чумы, я не разрешал никому приближаться, но никогда не приказывал убирать.

Сяо Фу-цзы опустил голову, не зная, рад или печален князь, и тихо ответил:

— Это я, я подумал, что Ваше Высочество, возможно... не хочет, чтобы двор Сюэ-гуна покрылся пылью.

Ха... Цинь Юй посмотрел на него и мрачно сказал:

— Ты знаешь мои мысли?

— Ваше Высочество, простите, простите! — Лицо Сяо Фу-цзы побледнело, он быстро опустился на колени и начал кланяться.

— Хм! — Цинь Юй бросил на него косой взгляд и холодно сказал:

— Сожги этот сад и посади там платаны. Ты понял?

<http://bllate.org/book/16170/1450437>